

Е. В. Золотухина

ЭТИКА

УЧЕБНИК ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА И СПЕЦИАЛИТЕТА

5-е издание, исправленное и дополненное

**Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 17(075.8)
ББК 87.7я73
3-81

Автор:

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна — профессор Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

Золотухина, Е. В.

3-81 Этика : учебник для бакалавриата и специалитета / Е. В. Золотухина. — 5-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 375 с. — (Университеты России). — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-534-09215-8

Данный учебник написан в соответствии с государственным образовательным стандартом. Однако он во многом отличается от традиционных учебников по данной дисциплине. Автор стремится увести читателя от скучного морализаторства, показывает связь морали и человеческой психологии, стремится высветить темы, которые долго замалчивались в нашей этической литературе: размышляет о стыде и вине, доверии и обмане, любви и достоинстве. Учебник написан ярким, образным языком, автор обращается непосредственно к читателю, свободно рассуждает об избранном предмете.

Книга читается легко, будит мысль, вызывает неподдельный интерес. Она может быть хорошим путеводителем для студентов по этической и экзистенциальной проблематике.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов высших учебных заведений, преподавателей и всех интересующихся вопросами этики.

УДК 17(075.8)
ББК 87.7я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-09215-8

© Золотухина Е. В., 2013
© Золотухина Е. В., 2019, с изменениями
© ООО «Издательство Юрайт», 2019

Оглавление

Предисловие	7
Введение.....	9

Модуль 1 СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ МОРАЛИ

Природа человека.....	15
1. Свобода от предзаданности	15
2. Самосознание как отъединенность от мира	16
3. Свобода выбирать	17
4. Самосознание как осознание смерти	18
5. Культура — человеческий способ бытия	18
Сущность моральной регуляции	20
Функции морали.....	29
Социальные цели морального воспитания	35
Система моральной регуляции.....	44
Внешний и внутренний воспитатель	53
Мораль и другие сферы общественной жизни.....	67
Виды этической теории	72
Контрольные вопросы.....	75

Модуль 2 ИСТОРИЯ ЭТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Этика античности.....	79
Контрольные вопросы.....	90
Европейская средневековая этика	91
Контрольные вопросы.....	101
Этические взгляды эпохи Возрождения	102
Контрольные вопросы.....	108
Этика XVII—XVIII веков	109
Контрольные вопросы.....	121
Этика XIX века.....	122
Контрольные вопросы.....	133
Этика XX века	134
Контрольные вопросы.....	149

Модуль 3 КАТЕГОРИИ МОРАЛИ

Добро и зло.....	153
1. Понятие добра. Добро и польза	153
2. Понятие зла. Откуда в мире зло?	157
3. Добро и зло в религиозном и безрелигиозном сознании	164
4. Диалектика добра и зла	169
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>175</i>
Свобода и ответственность.....	176
1. Сущность свободы.....	176
2. Проблемы свободного выбора	181
3. Перед кем и за что ответственен человек?	190
4. Проблема автономии морали. Как судить о свободно совершенном поступке?	196
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>201</i>
Долг, совесть, стыд и вина	202
1. Долг	202
2. Совесть	210
3. Стыд	213
4. Вина	221
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>225</i>
Честность и справедливость.....	227
1. Правда как высшая ценность	227
2. Ложь и обман.....	231
3. Честность: слово, дело, самоосознание.....	236
4. Проблема доверия.....	242
5. Справедливость: история и виды	245
6. Чувство справедливости и ее созидание	251
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>254</i>
Достоинство человека.....	256
1. Понятие достоинства	256
2. Как сохранить достоинство?	260
3. Исторические изменения понятия достоинства	262
4. Достоинство, гордость, гордыня.....	267
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>271</i>
Любовь	273
1. Любовь как чувство и деятельная способность.....	273
2. Противоречия любви	279
3. Эгоизм и любовь к себе.....	287
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>289</i>
Счастье и смысл жизни	290
1. Три представления о счастье	290
2. Темное и светлое мировосприятие	297

3. Счастье и смысл жизни	303
<i>Контрольные вопросы</i>	310
Социально-нравственные добродетели	311
1. Что является социально-нравственными добродетелями?.....	311
2. Трудолюбие против лени	312
3. Добродетель мужества	319
4. Патриотизм и гражданственность	324
5. Добродетели коммуникации.....	332
6. Любовь к семье	340

Модуль 4 НРАВСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Существует ли нравственный прогресс?	349
Возможные ответы на вопрос о перспективах.....	354
Моральные проблемы «постсовременного мира»	360
<i>Контрольные вопросы</i>	367
Послесловие.....	368
Тесты для самопроверки.....	369
Правильные ответы на тесты.....	371
Краткий глоссарий	372
Литература	373
Новые издания по дисциплине «Этика» и смежным дисциплинам	375

Предисловие

«Современная этика: истоки и проблемы. Учебник для вузов» принадлежит автору, достаточно известному в современной России — доктору философских наук Елене Всеволодовне Золотухиной-Аболиной.

Ее работа «Страна Философия», предназначенная для юношества и сопровождаемая рисунками автора, стала настольной книгой для многих студентов и школьников, преподавателей университетов и колледжей — для всех, кого занимают философские проблемы, волнует смысложизненный поиск.

Книга Е. В. Золотухиной-Аболиной, предоставляемая вашему вниманию, — это учебник этики, написанный в соответствии с государственным образовательным стандартом. Однако он во многом отличается от традиционных учебников по данной дисциплине. Автор стремится увести читателя от скучного морализаторства, показывает связь морали и человеческой психологии, стремится высветить темы, которые долго замалчивались в нашей этической литературе: размышляет о стыде и вине, доверии и обмане, любви и достоинстве. И хотя в книге речь идет и о функциях морали, и об истории этики, в центре ее стоят живые проблемы, которые волнуют каждого человека.

Учебник написан ярким, образным языком, автор обращается непосредственно к читателю, свободно рассуждает об избранном предмете. Книга читается легко, будит мысль, вызывает неподдельный интерес. Она может быть хорошим путеводителем для студентов по этической и экзистенциальной проблематике.

В результате изучения данного материала студент будет:

знать

- важнейшие этические понятия и категории;
- основные этапы развития этической мысли;
- этические проблемы современного общества;

уметь

- анализировать и воспринимать нравственные нормы общества;
- устанавливать взаимосвязь с культурой и традицией различных народов;
- выработать самостоятельную нравственную позицию по проблемным вопросам;
- ориентироваться в современной культурной ситуации;

владеть

- навыками работы с учебной и научной литературой по проблемам этики;

- понятийным аппаратом по этике;
- приемами ведения дискуссии и полемики.

Книга выходит в обновленном и расширенном издании.

Введение

Итак, вы раскрыли учебник этики. Задача всякого учебника — познакомить читателя с азами, основными положениями того или иного предмета, и я надеюсь, что мне как автору удастся приобщить вас к самым главным, фундаментальным темам этического знания. Мы оставим в стороне многоречивые споры специалистов о тонкостях терминологии и постараемся прикоснуться к сердцевинным проблемам теории нравственности, избежать обсуждения которых просто невозможно.

Хочу сразу предупредить, что вопросов будет больше, чем ответов. У меня в запасе (как и у вас!) нет абсолютной истины, поэтому на один и тот же вопрос я предложу вам разные ответы, бытующие в культуре. Какой вам больше подойдет — выбирайте сами, однако знать следует все (чтобы было из чего выбирать). Свое видение проблем я тоже от вас не скрою.

Однако что такое этика, которой мы собрались заниматься? **Этика** — какой она сложилась в Европе еще в период античности и какой дожила до сегодняшнего дня — **есть теоретическая дисциплина, изучающая мораль (нравственность)**. Два этих термина — мораль и нравственность — мы будем дальше употреблять как синонимы, не делая между ними различий.

Слова «моральный», «нравственный» знакомы всем с детства. Дома нам нередко «читают мораль», а в школе «нравоучительно наставляют», то есть объясняют, «что такое хорошо и что такое плохо», что мы должны делать, а чего ни в коем случае не должны. Родители и учителя порой столь нудно и неотвязно «морализируют», что многие люди, вырастая, прямо-таки приобретают аллергию на разговоры «о морали». Им кажется, что это нечто скучное, серое и грозящее наказанием. Но подобное мнение не более чем печальная ошибка!

Нравственность (мораль) — одна из важнейших сфер человеческих отношений, полная страстей, внутренней борьбы, взлетов и падений. Она увлекательна, а порой и причудлива, в чем вы сможете убедиться, прочитав эту книгу до конца. Моральные проблемы проходят через наше сердце, касаются самых сокровенных желаний, стремлений, чаяний. Они интересны, ибо прямо касаются живых повседневных интересов. И так же интересна теория нравственности, которая почти никогда не остается просто теорией, активно вторгаясь в жизнь.

В истории философии прослеживаются две линии, по-разному трактующие соотношение этики и других дисциплин, изучающих человека.

Одна линия, представленная в XVIII веке Иммануилом Кантом и в целом присущая религиозной этике, полагает, что нравственность — сфера жизни, совершенно не зависящая от психофизических, эмпирических, житейских свойств человека. Нравственность автономна. Она включает в себя «должное» в чистом виде, либо происходящее от Бога, либо предзаданное особыми трансцендентными измерениями человеческого бытия. Именно поэтому этика оказывается дисциплиной, не зависящей от наук, изучающих реального человека — антропологии, психологии. Для И. Канта «метафизика нравов» не может базироваться на антропологии, а может лишь быть применена к ней. Подобная позиция называется «нравственным абсолютизмом». Она видит нравственность не вписанной в жизнь, а как бы парящей над ней. Практические интересы человека отслаиваются от собственно-нравственного поведения, как масло от воды, они — другие. Этика выступает сверхчеловечески требовательной, суровой до жестокости.

Другая линия, ярко выраженная в трудах Л. Фейербаха (XIX в.) и Э. Фромма (XX в.), полагает, что истинную мораль и подлинную этику мы можем выработать, только зная природу человека. Мораль оказывается в этом случае важнейшим элементом человеческого саморазвития, развертывания человеческих возможностей. В этом случае нравственность тесно переплетена с психологией, с законами коммуникации, восприятия, самореализации. Этика, изучающая мораль, не остается более лишь теорией, но становится настоящим «искусством жить». Антропология и наука психология в этом случае выступают как фундамент практически направленных этических представлений. Не теряя своей специфики «размышления о должном», этика становится серьезным инструментом жизненной стратегии. Такую позицию можно назвать «гуманистической этикой».

Излагая курс этики, я буду придерживаться этой второй, гуманистической позиции, стремясь объективно освещать все другие точки зрения.

Позиция гуманистической этики позволяет включить в предмет этического знания широкий пласт нравственных явлений, не сводящихся лишь к «абсолютным представлениям о должном». В этом случае этика изучает следующее.

1. Идеальные моральные ориентиры, высшие нравственные ценности, имеющие общечеловеческий характер. Как правило, это высокие абстракции, самые общие универсальные повеления и запреты (не убий, не укради, будь честным и т. п.).

2. Конкретно-исторические нормы и ценности, которые содержат в себе общечеловеческие ориентиры, но включает и партикулярные, ограниченные эпохой представления о должном («беспрекословно подчиняйся старшим» в традиционном обществе и «будь самостоятельным» — в современном).

3. Реальные нравы, царящие в тот или иной период истории, их соотношение с «идеально-должным» и конкретно-историческими моральными повелениями.

4. Сложную диалектику морального сознания и поведения личности, взаимодействие «социальной морали» и индивидуальной морали.

Рассматривая этику как совокупность представлений о разных измерениях «нравственной реальности», мы будем опираться на западноевропейскую этическую традицию и отчасти касаться российских этических учений.

Объем книги и требования цельности изложения, к сожалению, не позволяют нам охватить многообразные взгляды, присущие Востоку. Возможно, по ходу разговора возникнет потребность в отдельных сравнениях христианских и, скажем, буддистских представлений, но ими мы и вынуждены будем ограничиться.

И, наконец, последнее замечание перед началом большого этического разговора. Мы находимся сейчас в самом начале нового тысячелетия, но продолжаем нести на своих плечах весь груз наследия прошлого. Наше время не отмечено высокой моралью и образцами святости, бескорыстия, героизма. Одни религиозные и эзотерические (окультурные) учения говорят о грядущем драматическом конце большого космического цикла, о закономерности падения нравов, о серьезной деградации человечества в последней фазе «кали-юги». Другие пророчат близкий конец света и Страшный суд. Третьи видят угрозу в безудержном научно-техническом прогрессе, трансформирующем все прежние представления о добром и злом, позволительном и запретном.

Нужны ли в этот смутный и мрачный период книги о нравственности, об этике?

На мой взгляд, нужны. И не только потому, что этика входит в программы гуманитарных факультетов. В каком бы обществе и в какой бы период человек ни жил, он все же остается отдельным индивидуумом, личностью, способной оценивать происходящее, принимать решения и выбирать собственную линию поведения. Знакомство с этикой — ее историей и ее вечными вопросами — необходимо любому думающему человеку, чтобы лучше разбираться в себе и других, чтобы яснее видеть происходящее и с полной ответственностью реализовывать собственную свободу. Тем более, в конечном счете главный и единственный субъект нравственного решения и поступка — это индивид, единственный человек: вы да я, мы с вами.

Кроме того, пребывание у истоков нового века закономерно рождает надежды на лучшее, на исправление прежних ошибок, на достижение новых рубежей, на то, что каждый из нас может внести свою посильную лепту в совершенствование человеческого мира. Попытаемся же хоть отчасти понимать, знать, ведать то, что творим.

Модуль 1
СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ
МОРАЛИ

Природа человека

В своей глубочайшей сути природа человека есть загадка.

Однако мы, разумеется, не остановимся на этом интригующем утверждении и попытаемся рассмотреть, в чем же состоит загадочность человеческого существования и каким образом из его специфики вытекает необходимость морали как вида сознания и способа поведения.

На первый взгляд, человек — одна из разновидностей многочисленных живых существ, обитающих на земле. По словам древнегреческого мыслителя Аристотеля, «материя обладает аппетитом к форме», и в природе мы видим множество животных и птиц, рыб и насекомых, не похожих друг на друга, наделенных разным обликом, расцветкой и нравом. Все они — конкретно-чувственные, эмпирические, плотские существа, связанные в целостное живое единство экологическими законами. Человек тоже состоит из плоти и костей, тоже хочет есть, стремится размножаться и подчиняется в своем развитии диктату генетического кода. В чем-то он очень похож на своих «меньших братьев» — он так же страдает и так же проходит жизненный путь от рождения до неизбежной смерти. И все-таки человек — принципиально иное существо, ибо биологические законы — лишь фундамент, на котором строится здание человеческого бытия, только предпосылка для развертывания трех важнейших человеческих качеств: самосознания, свободы и культуры.

Наличие этих особых характеристик человека всегда резко выделяло его из животного окружения, делало качественно другим, странным пришельцем, как бы гостем из другого мира. Рассмотрим подробнее исконные человеческие черты:

1. Свобода от предзаданности

Все животные, как примитивные, так и высокоразвитые, действуют в рамках заданной им видовой программы. Коровы, как известно, не летают, а птицы выют гнезда, но никогда не станут рыть нор. Природа создала их относительно завершенными, со сложившимися, биологически заданными стереотипами поведения. Они закрыты для дальнейшего совершенствования. Иное дело человек. Универсальные возможности, которыми он наделен, делают его принципиально открытым существом. Человек способен развить в себе самые удивительные способности и таланты, проявить разнообразные качества, творить

«по меркам любого вида, в том числе и по законам красоты» (К. Маркс). Генетика человека не стесняет его, не обуживает его возможностей, а, напротив, выступает базой для самого невероятного самопроявления, которое реализуется на арене общественной жизни.

Человек не только открыт для безграничной самореализации, он еще и постоянно стремится к самоизменению, самосовершенствованию. Он не удовлетворен своим наличным эмпирическим состоянием. Кошка никогда не скажет: «Хочу перестать быть кошкой и сделаться тигром!», ее вполне устраивает ее «кошачье бытие». Человек же вечно недоволен собой: тяготится собственными слабостями и недостатками, страдает от своих противоречий, жаждет устранить существующие физические и биологические ограничения (например, хочет научиться летать!). Человек — натянутый канат, мост, путь от «дочеловеческого» к «сверхчеловеческому».

Важнейшим проявлением «свободы от предзаданности» является тяга людей к тому, что выходит за границы обыденной чувственной жизни к запредельному (трансцендентному), к Богу, идеальному миру. Эта тяга подобна стремлению к линии горизонта — она все время заставляет идти вперед, развиваться, расти: становиться «настоящим человеком», жаждать «богоподобия», мыслимого и немислимого совершенства. В каком-то смысле человек буквально «болен» идеальным, он постоянно соизмеряет себя с тем, чем он пока еще не является.

2. Самосознание как отъединенность от мира

Человек — единственное известное нам существо, ясно осознающее свое собственное существование. Самосознание позволяет нам отделить себя от окружающей действительности, проявиться на фоне мира. Обладая самосознанием, мы приобретаем «я», которое естественно оказывается центром всех отсчетов (даже «право-лево», «низ-верх» мы определяем относительно собственного тела). Самосознание выводит человека из слепого и немого бытийствования, оно делает для него внятными то, что он ЕСТЬ, и то, что он иной, чем вся окружающая природа.

Обретение самосознания оборачивается для нас возможностью глубочайшего одиночества, переживания своей радикальной «инаковости», а значит, и отъединенности от всего прочего бытия. Это одиночество требует восполнения, компенсации и ведет человека к социокультурному объединению с себе подобными — к общению, коммуникации. Самосознающие «монады», человеческие индивиды не могут жить вне сообщества — и практически, и духовно, и душевно. Но способы взаимодействия между ними подчиняются во многом иным закономерностям, чем общение насекомых в рое или животных в стае.

Ученые-этологи, посвятившие себя изучению поведения животных (например, знаменитый Конрад Лоренц), утверждают, что челове-

ское общение базируется примерно на тех же принципах. Доминирование и подчинение, вражда и симпатия, коллективное поведение во время опасности — все это очень похоже. У зверей и птиц есть аналоги (или предшественники?) человеческой любви и дружбы, тоски и ревности, даже гордости и самодовольства. А уж самопожертвование ради детенышей или ради спасения общности (стада, стаи), то, что у людей называют альтруизм, — вещь довольно распространенная и имеющая глубокий биологический смысл. И все-таки животные «эгоизм» и «альтруизм» — всего лишь псевдоморальные явления, потому что наличие свободы и самосознания открывает двери для полнейшей непредсказуемости человеческого поведения.

3. Свобода выбирать

И здесь человек снова предстает как загадка, потому что никто не может сказать наперед, как он поведет себя в том или ином случае, сколь далеко будут простираться его планы и намерения и какой масштаб приобретут действия. Поведение животных подчинено строгим биологическим запретам. Скажем, агрессия, направленная на представителя своего вида, оказывается во многом демонстративной, ритуальной. Если побежденный валится кверху брюхом или подставляет шею, его не губят, а отпускают с миром, удовлетворившись демонстрацией силы. В то же время никакие сентиментальные чувства не останавливают крыс, если их сородич вдруг приобрел запах чужой стаи: крысы растерзают жертву — они не опознали своего.

Иное дело люди. Биологические запреты уже не останавливают их, потому человек способен на безмерную злобность и жестокость, и на столь же безмерное милосердие и благоволение. При этом человек не действует по программе, а способен сознательно выбирать, по какому пути идти: проявить ли милость и мягкосердечие (к своему или к чужому) или воплотить в жизнь порой совершенно чудовищную демоническую ненависть и жажду уничтожения. Вместо отлаженного эволюцией природного ограничения разрушительности в человеке действуют зыбкие весы свободного выбора. Этот выбор в конечном счете отдан самому человеческому «я». Несмотря на всю зависимость человека от множества довлеющих над ним обстоятельств, последнее решение в выборе типа поведения, в предпочтении добра или зла, насилия или ненасилия он принимает сам.

Современные ученые много сделали для того, чтобы доказать наличие у людей предрасположенности к определенному типу поведения. Они указывают на «гены агрессивности», на врожденную склонность к некоторым патологическим проявлениям, на неврозы и психозы, полученные в результате травм рождения. И все-таки даже самый «генетически агрессивный» субъект, как правило, осознает свои поступки и способен либо бороться с раздирающими его пагубными страстями,

либо потворствовать им. В народе не зря говорят: «Дай сердцу волю, заведет в неволю». Человек — существо, способное «не давать сердцу волю», укрощать свои влечения, делать выбор в пользу иных форм самопроявления. Человек не просто переживает некие состояния, он определенным образом относится к ним, оценивает их и сам создает себя.

Самосознание и свобода позволяют существовать как завязтому эгоизму, гордыне, ненасытному властолюбию, так и высокой духовности, любви, милосердию, справедливости.

4. Самосознание как осознание смерти

Осознавая свое существование, человек в отличие от животных понимает перспективу собственной смертности. Смерть — это конец существования и самосознания в их земном эмпирическом виде. Она таинственна, она — предел, за который, пока ты жив, заглянуть невозможно. Смерть страшит и вызывает жажду бессмертия. Животные часто противятся смерти, изо всех сил борются за жизнь, но они не понимают, на краю какой фундаментальной трансформации стоят. Человек понимает.

Более того, он с определенного момента начинает осознавать, что «туда» призывают не по возрасту и жизнь может оборваться в любую минуту. Именно перед лицом осознаваемой смерти человек задается вопросом, которого в принципе не может быть у животных, слитых со своим существованием: «А зачем я живу? Есть ли у жизни смысл, если она все равно кончается смертью? Стоит ли страдать, бороться, укрощать свои инстинкты, подчиняться долгу и дисциплине, если жизненный путь ведет к черной яме в конце? А если стоит, то почему?» Проблема смысла жизни — собственно человеческая, нравственная проблема, так как от ответа на вопрос «зачем?» зависит наше поведение, характер отношения к другим людям.

5. Культура — человеческий способ бытия

Весь животный мир живет по закону приспособления своего организма к условиям окружающей среды. Птицы приобрели крылья, рыбы — жабры и плавники, звери, обитающие в холодных лесах, обросли густой шерстью, а те, что роют норы под землей, утратили зрение — за ненадобностью. Один только человек — эта «сумасшедшая обезьяна» — не меняет своего тела ни на севере, ни на юге, ни в воде, ни под землей, а приспособливает природу к себе. Это ее, окружающую среду, он рассекает и «мучает», формирует так и эдак, вырубает одни растения и насаждает другие, теснит «вредных» животных и разводит «полезных», строит жилища, шьет одежду, производит машины и вещества, которых «естественная природа» никогда бы сама не породила.

Он поднимается в воздух и опускается в глубины океана, повсюду внося рукотворные изменения. Человек создает «вторую природу» — мир культуры.

Культура — собственно человеческие способы действия и поведения, отсутствующие в зверином царстве. Это также их результат: засеянные поля и промышленные города, ремесла и искусство, наука и техника. И поскольку культура всегда «сверх природы», уже при своем возникновении она порождает принципиально новые способы взаимоотношений между людьми.

Для того, чтобы успешно трудиться, создавая искусственный мир культуры, следует вести себя иначе, чем наши животные собратья. Нужно уметь удерживать в центре внимания трудовую цель — образ будущей вещи; нужно отсрочивать удовлетворение своих потребностей, пока дело не сделано; нужно учиться действовать сообща с другими, чтобы задуманное удалось. Все эти моменты не заложены в инстинкте. Для их осуществления необходимы новые, не биологические, регулятивы, способные ограничивать непосредственность влечений, рискующих в любой момент разрушить хрупкое социокультурное равновесие между совместно действующими индивидами. Поэтому исторически культура формируется не только как совокупность новых способов действия, но и как система запретов.

На прежние собственно животные проявления накладывается запрет. Сначала он приобретает форму «табу» — сакрального (священного) и не обсуждаемого запрещения. За его нарушение всегда следует быстрая кара со стороны сообщества. Потом в ходе развития человечества вырабатывается целая сложная система средств, обуздывающих животные страсти и эгоистические нравы. Возникает представление о должном человеческом поведении, далеком от «скотства».

Нравственность выступает одним из важнейших, тонких и противоречивых компонентов регуляции отношений между людьми. Она — фундаментальный элемент культуры, хотя редко является «в чистом виде». Нравственные запреты и повеления переплетаются с традициями, правом, общественным давлением на личность, с религиозными представлениями, обычаями и привычками. И тем не менее мораль отличается от всех них. Можно сказать, что в морали таинственная природа человека, пронизанная самосознанием и свободой, выражает себя в наиболее яркой форме.

Сущность моральной регуляции

Мы уже многократно употребили в тексте слова «мораль» и «нравственность», но еще не дали четкого понимания этого неоднозначного феномена. Я думаю, здесь вряд ли уместна короткая дефиниция (определение), ибо она резко ограничивает возможности понимания. Скорее можно разобраться в сути морали, перечислив ее ведущие черты.

Прежде всего, мораль — **это один из видов регуляции общественной жизни**, которая, как мы уже выяснили, не может быть приведена в гармонию на чисто биологическом уровне. Мораль существует как регулятор человеческих отношений, поведения и сознания наряду с традицией, обычаем, правом, насильственными формами воздействия.

По способу своего бытия мораль — **это система норм, принципов, ценностей**, которыми руководствуются люди в своем реальном поведении.

Моральная регуляция носит **оценочно-императивный характер**. Это значит, что мораль всегда оценивает поступки и мысли людей, одобряет или порицает их: «Этот человек поступил хорошо, так как был справедлив и честен. А тот поступил дурно, так как лгал и клеветал». Моральные нормы есть не что иное, как **правила-образцы**, которые одобряются, одновременно выступая в качестве блага и примера нормального поведения: нормально и хорошо быть милосердным, добрым, честным, трудолюбивым, бескорыстным.

Соответственно плохо (ненормально) быть злобным, лживым, ленивым, жадным.

Одобрять или порицая, мораль **повелевает**, как следует себя вести и как необходимо мыслить, чтобы быть человеком. В этом проявляется ее императивный характер: будь справедлив! Не будь жесток!

В центре морали стоит соотношение **должного** и **сущего**. Это значит, что мораль постоянно сравнивает наличное поведение с ценностью и идеалом, с тем порядком вещей, совершенным образцом, который реально не существует, но должен быть, чтобы действительность стала прекрасной и гармоничной. В этом смысле мораль всегда несколько выходит за границы наличной повседневной жизни, заглядывает за пределы эмпирического — в трансцендентное (высшее, находящееся за границей реальности и определяющее эту реальность). Добро, Любовь, Достоинство, Справедливость — все это моральные идеалы, которые в полной мере никогда не присутствуют в практической обыденности, но служат ориентирами поведения и сознания,

духовно-нравственными маяками, не дающими потонуть в пучине эгоизма и своекорыстия.

Мораль охватывает, как мы уже отметили, целый ряд сфер человеческой жизни. Мы можем говорить о **нравственных отношениях** между людьми, в которые включены и межиндивидуальные связи, и отношения между личностью и коллективом, и взаимодействия целых человеческих общностей. Моральным или неморальным, антиморальным (безнравственным) может быть **поведение** людей. Центром морали выступает **нравственное сознание**. Точнее даже было бы говорить о нравственном измерении внутреннего мира, который не сводится к ясному и самоотчетному сознанию.

Дело в том, что у человека есть моральные привычки, когда нравственные нормы соблюдаются автоматически, без излишних раздумий. Это возможно в простых ситуациях, если нет противоречий и коллизий, требующих рефлексии (помочь слабому, уступить удобное место старику, защитить ребенка и т. д.). Но привычки оказываются явно недостаточно, если человек не знает, как лучше поступить, например, солгать тяжелобольному что он здоров, или сказать ему правду?

Честность требует одного решения, а милосердие — другого... Здесь включается моральная рефлексия, то есть размышление, раздумье, взвешивание аргументов «за» и «против».

Наконец, случается так, что раздумывать просто некогда, нужно немедленно здесь и сейчас принять моральное решение. Тогда в человеке нередко срабатывает **моральная интуиция**, сложившаяся на основе предыдущих раздумий и привычек. Кроме того, мораль всегда существует как переживание, как живое чувство, доставляющее страдание или радость.

Многие авторы, определяя мораль, подчеркивают, что она, прежде всего, не регулятор общественной жизни, а внутренний регулятив индивидуального сознания и поведения, не вытекающий прямо из социальных нормативов. В этом случае ставится вопрос: «Кто судит?» Кто выступает источником повелений и запретов, к которым внимательно прислушивается человек? Общество, где стихийно сложились нормы и правила, или наше собственное «я», внимающее Богу, идеальному миру или иным внесоциальным авторитетам. Надо сказать, что это сложный вопрос, и на последующих страницах мы еще вернемся к нему. Пока лишь отметим, что между регуляцией общественной жизни и индивидуального поведения нет острого противоречия. Даже самые оригинальные и своевольные люди все-таки живут в обществе и соотнесены с его моральными ориентирами, хотя и могут смело выступать против них. Изобретая (или открывая) новую мораль, они все равно вынуждены отталкиваться от прежней, той, в которой выросли. Индивидуальный выбор и нравственное творчество не «висят в пустоте», а тесно увязаны со своим временем, его воззрениями, традициями, бедами и победами. Только эта «конкретная историчность» придает личностному выбору реальное значение и смысл.

Как мы уже отметили, мораль стоит в ряду других регулятивов поведения, качественно отличаясь от них. Ее спецификой является прежде всего действие изнутри самого человеческого сознания. Моральные нормы должны быть усвоены, или, как говорят ученые, интернализованы. Они должны сделаться собственным достоянием человеческой души. Если человек исполняет нравственные предписания из-под палки, под присмотром воспитателя или милиционера, то о моральности в полном смысле слова говорить не приходится.

Другие социокультурные регуляторы воздействуют на поведение извне, без непосредственного участия внутреннего мира, без переживаний и рефлексии, без свободного выбора. Например, традиция. Традицию человек получает от предков и поступает по принципу «так делали все в нашем роду (селении, городе, народе и т. д.)». Окружающие люди чтут традицию и осуждают тех, кто отступает от нее. Например, традиция кровной мести. Для того, кто эту традицию соблюдает, отсутствует вопрос о выборе поведения. Он должен убить кровника, отомстить за свою семью или род. Мечь считается делом чести, и никакие сентиментальные соображения не могут помешать ее воплощению в жизнь. Вопрос не обсуждается. Традиция не может быть подвергнута сомнению и испытана на гуманность и справедливость, такое сомнение и испытание означают просто отказ от нее. Но пока индивид пребывает «внутри традиции», он не может ее критиковать и опровергать. Он — невольник внешнего предписания, который часто вообще не осознает, что возможно вести себя по-другому. Слепое и нерассуждающее следование традиции предполагает неучастие личности человека в формировании образа действий. А это значит, что личность не берет на себя ответственности за последствия своего поступка. Он действует, «как другие», безлично, подражательно.

Совсем другое дело мораль. Нравственный поступок, даже совершенный на нерелексивном уровне моральной интуиции — это проявление самой личности, выражение ее внутренних установок, убеждений. Эти убеждения могут не совпадать с общепринятыми представлениями или даже противостоять им. Человек способен не воровать, когда все воруют, не предавать, когда кругом предают, не доносить, хотя доношительство поощряется.

Он может проявлять милосердие к врагам, которых все ненавидят. Эти «совсем другие» установки, конечно, не возникают вне общества, возможно, они рождаются под влиянием микрогруппы (к примеру, семьи) или в результате чтения высокогуманной литературы, но они не являются механической калькой с чужих взглядов и воззрений. Индивид вырабатывает и воплощает их сам, на свой страх и риск, и несет за них полную ответственность.

Специфика морали как особого социокультурного регулятора отчетливо видна при сравнении ее с регуляцией правовой. Здесь мы тоже в первую очередь замечаем, что мораль не действует без ее личност-

ного принятия, без сознательного согласия субъекта поступать так, а не иначе.

1. Человек может не признавать справедливости юридического закона и не соглашаться с ним, но он все равно будет его выполнять, опасаясь санкций со стороны власти, боясь государственного насилия, физического принуждения, гражданского позора. Правовое сознание и поведение могут очень сильно расходиться. К примеру, я считаю наличную налоговую систему скверной, но я все равно плачу налоги. Если не плачу — меня заставит это делать налоговая полиция. Власти, собирающей налоги, в достаточной степени безразлично, в торговле ли я от имеющейся шкалы платежей. Нравится — не нравится — выполняй (закон есть закон). Однако, как показывает опыт, при таком внешнем вменении норм поведения люди уклоняются от их выполнения в то же самое мгновение, когда ослабевает внешний контроль.

Моральные нормы, если они по-настоящему усвоены, не нуждаются ни в каком внешнем контроле. Мы сами с радостью выполняем их, но, разумеется, тогда и только тогда, когда сами верим в них, полностью эмоционально и рационально их разделяем. При этом нет необходимости в принуждении извне. Если человек честен, его можно оставить рядом с любым богатством, и он не возьмет ни монетки. Если он порядочен, то не побежит обливать грязью соседа, каких бы выгод ему это ни сулило. Если я придерживаюсь нравственной позиции милосердия, то буду проявлять это качество, даже если оно влечет за собой проблемы и практические неудобства. В этих случаях человек — сам себе контролер, сам себе судья, сам аналитик собственных поступков и переживаний. Для нравственного индивида вовсе лишним оказывается внешний надзиратель с палкой, в его душе есть гораздо более чуткая всевидящая инстанция — собственная совесть. От нее нельзя скрыть никакого проступка и никакой дурной мысли. Это — внутренний страж, постоянно вопрошающий индивида из глубин самого его существа: «Ты честен? Ты справедлив? Ты в достаточной степени великодушен?»

Если совесть не сформирована, а нравственные привычки слабы, если добро, честность, справедливость не стали естественными рычагами поведения, то у нас нет оснований считать, что человек морален. Есть множество людей, которые поверхностно соблюдают правила приличия, но лишь до тех пор, пока кто-то, с кем они вынуждены считаться, смотрит на них. А если не смотрит — размахнись рука, раззудись плечо! Тогда и возникает поведение по типу: воровать плохо, но если никто не видит — можно; убивать скверно, но если очень надо и все останется в тайне — почему и нет? И предавать можно, и клеветать, коли никто не узнает... Такие люди не могут считаться моральными. Они аморальны или внеморальны. В полном смысле слова морален лишь тот, кто по собственной воле придерживается морального поведения вне зависимости от контроля со стороны других людей и их мнения, тот, кто реализует в поведении собственные моральные убеждения.

2. Сравнивая моральную и правовую регуляцию, мы можем увидеть и другие специфические черты морали. Юридические нормы конкретно направлены и охватывают не все сферы жизни. Так, существует гражданское право, уголовное право, хозяйственное право, но личные отношения людей там, где они не связаны с имуществом, рождением детей или гражданскими обязанностями, не подлежат правовой регуляции. Нельзя по закону обязать Колю любить Машу, а Ивана Ивановича — дружить с Петром Петровичем. И точно так же нельзя по закону покарать Колю, если он разлюбил Машу и полюбил, предположим, Катю. Иван Иванович тоже не попадет под суд, когда разругается с бывшим другом Петром. Все эти взаимоотношения находятся вне ведения права. Но все они подлежат нравственной оценке. С нравственной позиции мы можем осудить ту или иную сторону взаимодействия или, напротив, одобрить. Впрочем, то же самое мы можем сделать применительно к практически любым житейским ситуациям, а также к событиям, происходящим в любой сфере жизни, — в экономике, политике, науке и т. д. Мораль всепроникающа. Нет таких областей человеческой существования, которые могли бы полностью избежать моральной оценки. Она присутствует везде, где есть межличностные и коллективные отношения.

3. Регулятивные возможности юридического закона основываются на мощи государства. За правом стоят социальные институты: суд, прокуратура, полиция. Закон опирается на силу оружия, на наличие тюрем, каторжных работ и других принудительных форм наказания. Государство — единственная социальная структура, которая имеет официальное право карать, в том числе и отнять у человека его жизнь в качестве расплаты за совершенные им злодеяния.

Мораль, напротив, регулирует человеческие отношения без опоры на властные и силовые структуры. Она не институциональна. Единственной ее социальной опорой выступает общественное мнение. Правда, в традиционном патриархальном обществе, где мораль была тесно связана с обычаем и религией, а жизнь в общине не имела альтернатив, общественное мнение было способно карать не хуже современного закона. Тот, кто нарушал нравственные нормы общины, мог быть подвергнут остракизму, предан презрению соплеменниками и вовсе изгнан за пределы поселения — что означало неминуемую смерть. Однако в современном мире общественное мнение не имеет такой поистине убойной силы. Оно, несомненно, значимо, но не ведет к необходимости физической гибели. Каждый, кто когда-либо серьезно провинился, знает, как трудно выдерживать порицание со стороны знакомых, коллег, друзей, как трудно ходить под косыми взглядами или оказаться перед закрытыми дверями людей, которые были прежде добрыми приятелями. Но в нынешнем технизированном и демократизированном мире можно просто уехать: переселиться в другой город, в другую страну, где тебя никто не знает, «начать жизнь с чистого листа». Так или иначе, опираясь на общественное мнение, моральное

регулирование все же перенесло свой «центр тяжести» в область индивидуального сознания. Хотя мнение окружающих людей о чьих-либо моральных проступках нельзя сбрасывать со счетов. Для тех, в ком «внутренний контролер» еще не достаточно развит (а таких людей много), положительное или отрицательное общественное мнение играет большую роль и порой удерживает от серьезных моральных проступков.

4. Правовые нормы всегда конкретно и однозначно указывают, чего нельзя делать. То, что не описывается в правовом кодексе как преступление, с юридической точки зрения таковым вообще не считается. К примеру, если в законе нет понятия «мафия», то и мафия вроде не существует. И хотя все кругом порой знают, что преступник действовал не сам по себе, а был звеном отлаженной организации, его будут судить как бандита-одиночку.

Право инертно. Создавая законы, их долго выверяют, взвешивают все формулировки, и это правильно, ибо закон решает судьбы людей. Но эта точность и медлительность в создании законов делают их неповоротливыми, не поспевающими за жизнью, отстающими от динамичной реальности.

Мораль куда более быстро и гибко реагирует на социальные новшества, даже если им еще нет названия. Люди интуитивно схватывают и практически переживают наступающее на них зло и оценивают его соответственно. Им не нужны для этого точные циркуляры. Моральные чувства — чуткие и мобильные — выступают оценочным индикатором негативных процессов. Мгновенная морально-психологическая реакция следует на несправедливость, насилие, воровство. Мы порой не сразу можем сформулировать, что именно нам не нравится в происходящих событиях, но редко ошибаемся в их нравственной оценке. Эмоционально переживается и улучшение морального климата. Все это говорит о том, что мораль, отличаясь от права «вероятностным», размытым подходом, является его «регулятивной парой». Они взаимодополнительны, успешно действуют «в тандеме».

Действительно, мораль и право поддерживают друг друга, а порой и переплетаются между собой. Например, в мусульманстве шариат выступает как единство религии, морали и закона. Вообще, жесткое отделение правовых отношений от моральных — признак европейской цивилизации, черта общества западного типа, где виды сознания и социальные институты четко дифференцированы. Однако и здесь между правом и моралью нет непроходимых преград. Право опирается на господствующую в обществе мораль. Они едины в осуждении убийства, насилия, грабежа, попрания человеческого достоинства. Закон письменно закрепляет определенные моральные нормы и следует за моралью, как за более мобильной сферой оценок. Либерализация морали приводит к либерализации права. Так, темы равных прав всех людей, прав женщин, прав сексуальных меньшинств сначала появляются в сфере моральной рефлексии и лишь впоследствии становятся достоянием писаного закона.

Мораль и право объединены в таком феномене, как суд присяжных, где рядовые граждане — не юристы, далекие от знания тонкостей закона, должны, прослушав дело, определить лишь одно — виновен ли обвиняемый. Разумеется, они могут это сделать, исходя из фактов и их моральной оценки.

Завершая разговор о сущности моральной регуляции, мне хотелось бы указать на ее пределы.

Выше мы отметили, что моральный аспект можно усмотреть в любой сфере действительности, где присутствует коммуникация, отношение между людьми, субъектами. Соответственно, там, где речь идет о чисто техническом и чисто познавательном процессе, мы выходим за пределы морали. Вопрос о том, что дважды два — четыре, а не пять, не относится к области нравственных проблем. Точно так же как инструкция, описывающая, предположим, технологический процесс сборки телевизора, не проходит по ведомству «добра» или «зла». К сфере морали естественная и математическая наука имеет отношение только тогда, когда ее открытия сказываются на человеческих судьбах, грозят физическими или психологическими разрушениями. Само же познание как способ мироотношения, в особенности познание абстрактно-логическое, — внеморально. Так и с техникой. Пока речь идет о шагах проектирования, конструирования, изготовления, то есть об оперировании с объектами, моралью здесь и не пахнет.

Правда, совсем другое дело — гуманитарные и социальные дисциплины, а также психология. Эти пронизаны вопросами нравственности сверху донизу, так же как медицина и биология, там, где они касаются серьезных трансформаций организма. Но ведь здесь участвует тема коммуникации, человеческого взаимодействия. Техника тоже становится крупной социально-нравственной проблемой, когда ставятся вопросы: для чего она создана, чему служит, не вытесняет ли она людей из сферы производства, не опасна ли она для жизни и здоровья, и т. д. и т. п.

Поскольку мы обозначили в качестве области морали отношения коммуникации, то есть отношения между субъектами, а не субъектом и объектом, постольку нравственный аспект существует везде, где возможно усмотреть общение. Человек так или иначе всегда общается с самим собой, рефлексивует, осуществляет то, что психологи называют «аутокоммуникацией». Эта аутокоммуникация — отражение и выражение обычного общения с другими, а также его важный элемент. Именно поэтому мы вправе говорить о нравственном отношении к самому себе, о долге перед собой, о любви к себе и т. д. Даже, казалось бы, чисто физиологические процессы, удовлетворение витальных потребностей могут иметь моральный аспект в рамках этого самообщения.

Некто может презирать в себе склонность к обжорству или ленивое желание поспать, а на моралистическом отрицании собственных сексуальных вожделений построены сюжеты многих произведений мировой литературы. Таким образом, мораль — это в первую очередь нравственное самоотношение, тесно связанное с отношением к другим.

В качестве субъекта и партнера по коммуникации в моральном отношении могут выступать не только люди, но и животные, растения, вся планета в целом, космос как единство, а также Бог. Если видеть, предположим, в насекомых субъектов и души, предназначенные к общению, то возникают правила, которых придерживаются джайнистские монахи: идя на прогулку, они метут перед собой дорожку, чтобы не наступить на какую-нибудь букашку и не прервать ее жизнь. Прогулка, таким образом, превращается в сугубо нравственное предприятие. Если видеть субъекта, скажем, в планете Земля, полагать, что это живое существо, имеющее душу, возникает нравственно-экологическое отношение, когда мы во всей полноте переживаем ответственность за то, что сделали с планетой своей безудержной производственной экспансией. И тогда мы не просто печалимся, что самим себе испортили почву, воду и воздух, а сопереживаем планете, которая страдает, жалеем ее и стремимся больше ее не травмировать.

Видя в любом объекте субъекта, в неживом — живое, мы немедленно вступаем с этим явлением в нравственное отношение.

Впрочем, возможен и обратный процесс. Когда в субъекте, в человеке, мы перестаем видеть человека и относимся к нему как к «винтику», «гайке», как к предмету, которым можно манипулировать, мы выходим за пределы морали. Куда? В аморальность, в безнравственность, жестокость и бездушие.

Не могу не отметить, что есть еще одна область бытия, которая выводит нас за пределы морального. Это мистика, переход в измененные состояния сознания, целый пласт особого опыта, который дан далеко не всем. Великие мистики отмечают, что до какого-то момента путешествия по «тонким уровням бытия», по запредельным мирам не выводит нас за пределы морального сознания и поведения. Именно об этом говорил знаменитый Мейстер Экхарт, утверждая, что святой готов спуститься с седьмого неба, чтобы принести кружку воды больному брату. Но тот же Экхарт замечал, что следование моральным заповедям и даже религиозное подвижничество — лишь начальная стадия пути к Божеству. На высших ступенях, когда контакт с трансцендентным становится непосредственным, исчезают всякие различия. Больше нет ни отдельных субъектов, ни объектов, все сливается в особого рода единство, которое уже не ведает морали. «Добродетель — только середина между пороком и совершенством».

Если исходить из такого понимания, то моральное и духовное оказываются различными вещами. Вернее, мораль выступает первой ступенью проявления духовности, пригодной для проявленного мира — мира отдельных предметов, форм, субъектов. Высшая духовность выходит за пределы дифференциации, в божественное единство.

Отметив это, вернемся к вопросам земной морали. Мы живем в эмпирическом мире и должны, стремясь к совершенству, все же заниматься практическими делами, теми моральными и духовными вопро-

сами, которые волнуют нас «по эту сторону» таинственной черты запредельного.

А в повседневной жизни для нас особенно важно то, что мораль, если она действительно мораль, а не фальшивая маска, включает в себя единство нравственного сознания и нравственного поведения. Человек, исповедующий некие моральные взгляды, но никогда не придерживающийся их или редко о них вспоминающий, не может считаться моральным. Ханжами и лицемерами именуют тех, кто на словах провозглашает моральность, а в реальном поведении предается порокам. Только единство мысли, слова и дела, только следование морали в конкретных практических ситуациях позволяет сказать о человеке: это действительно нравственная личность.

Функции морали

Функции морали — это те роли, которые она играет в обществе, обеспечивая его целостность, выживание и развитие.

Говоря о функциях морали, не следует забывать, что она почти никогда не является «в чистом виде». Мораль — это не вещь, на контуры которой можно однозначно указать. Это скорее некий ракурс, определенный срез социокультурной регулятивной системы, при котором нормы, ценности, идеалы выступают как внутренне усвоенные, принятые индивидом. В то же время существует целый язык моральных оценок. «Добрый — злой», «честный — лживый», «порядочный — подлый», «герой — трус» — это одновременно и фиксации человеческих качеств, и моральные оценки, в которых одни качества одобряются, а другие порицаются.

Мораль регулирует отношения и поведение людей через это одобрение и порицание, поступающее как извне, от общественного мнения, так и изнутри самой морально развитой личности. Таким образом, главная функция морали — **регулятивная**. Одобряемое следует воплощать в жизнь, порицаемое изживать, избавляться от него. Однако в разных обществах и в разные периоды истории мораль регулирует отношения людей при помощи разных по содержанию ценностей и нормативных представлений. В каком-нибудь древнем племени высокопохвальным и героическим считается съесть сердце врага, а снять скальп с головы воинственного соседа, живущего за рекой, значит — поступить во благо своему роду и порадовать богов. В современном мире наряду с положением «возлюби ближнего своего как самого себя» практически действуют тезисы «падающего толкни» и «человек человеку — волк». Реальные нравы часто подчиняются совсем не тем императивам, которые мы интуитивно воспринимаем как «собственно моральные» и которые несут глубоко гуманистическое содержание. Поэтому наивно было бы представлять, что мораль — это что-то вроде регулировщика движения, которому все берут под козырек и стройными рядами идут в едином указанном направлении.

Мораль всегда стремится ограничить агрессивные и эгоистические устремления людей, способствует тому, чтобы они выжили, не поубивали друг друга, но делает это нередко в рамках замкнутой общности. Тогда мораль становится двойной: отношения в рамках «своего племени», «своего города», «своего народа» подчиняются одним моральным нормам, а взаимодействие с «чужаками» — совсем другим. Свои рассматриваются как «люди», а чужие — как «нелюди», поэтому к ним

не применяются моральные регулятивы уважения, милосердия, справедливости. «Чужие», выпадающие из принятой морали, могут быть и внутри собственного сообщества, например, рабы в древних государствах, которые приравнивались к «говорящему орудью» и могли быть убиты без всяких угрызений совести со стороны хозяев. Частная, конкретная мораль замкнутых сообществ лишь со временем рождает «общечеловеческую мораль», где одни и те же нравственные нормы применяются ко всем людям без исключения. Это рождение происходит в период возникновения мировых монотеистических религий.

Можно сказать, что в современном мире «высокая мораль» в той или иной мере всегда присутствует в регуляции человеческого поведения, хотя и сегодня стоит далеко не на первом месте. И сегодня люди часто руководствуются собственной выгодой, а не гуманностью, своими потребностями, корпоративными ценностями, групповыми интересами, а не справедливостью и благородством. **Регулятивная функция «высокой морали» выступает как тенденция, в то время как реальную регуляцию составляет сложный сплав общечеловеческих и социально-конкретных нормативно-ценностных представлений.** Однако роль «высокой морали» от этого не становится менее значимой. Она существует и составляет то драгоценное ядро, которое придает особое качество всему поведению человека. И если некто великодушен, честен и справедлив «со своими», есть большая надежда, что при других обстоятельствах он проявит эти качества к совсем далеким для него людям, а в пределе — ко всем разумным живым существам.

Вторая важнейшая функция морали — **воспитательная**. Мораль всегда участвует в подготовке нового поколения к будущей социальной деятельности, является существенным моментом в формировании сознания. В каком-то смысле моральное воспитание человека продолжается всю его жизнь, но в период взрослости оно переходит в самовоспитание, в свободный выбор ценностных ориентиров, типа поведения и нравственно-психологических установок. В детстве и юности ребенок получает первичные моральные представления: взрослые учат его, каким следует быть, показывают и объясняют, какого рода поступки и мысли находятся под моральным запретом, практически демонстрируют наказания, следующие за нарушением моральных обязанностей. Правила нравственности преподаются в неразрывной связи с правилами этикета, ребенок узнает, как следует оценивать себя и других, как себя вести с родными, в общественных местах, по отношению к выше- и нижестоящим на социальной лестнице. В детстве возникают нравственные привычки, которые переходят в автоматизм действия: броситься на помощь слабому, помочь старику, уступить место малышу и т. д. Впрочем, эти привычки и автоматизмы не всегда носят черты «высокой морали», они конкретно-историчны и полностью выражают характер господствующих нравов. Так, нравственной привычкой и нормой поведения может быть раболепие по отношению к начальству и хамство по отношению к людям зависимым.

Когда ребенок вырастает, он способен сознательно пересмотреть нравственные нормы, которые вменялись ему с детства, принять другую систему ценностей и следовать ей. Такой процесс всегда представляет собой трудную морально-психологическую ломку, возможно, даже душевную революцию, так как ценности и тип поведения, «впитанные с молоком матери», прочно оседают в подсознании, порой руководя человеком как бы помимо его воли. Вот почему моральное воспитание — такая важная и ответственная вещь.

Моральное воспитание в разное время и у разных людей пользуется разными воспитательными приемами, основывается на различных принципах и формирует порой противоположные ценностные ориентиры.

Так, в традиционном патриархальном обществе мораль вбивалась ребенку тумаками. Телесные наказания считались лучшим средством сделать из дитяти настоящего человека. Вменяемые моральные нормы (полное подчинение старшим, страх перед Богом, соблюдение домо-строевских обычаев и порядков) не должны были подвергаться сомнению. Хорошим средством воспитать человека честным являлся публичный позор в случае проступка.

В современном индустриальном обществе, при всем различии методов воспитания у разных народов, доминирует тенденция ненасильственного воздействия. Гуманистические моральные нормы — уважение достоинства всякого человека, доброжелательность, справедливость, милосердие — должны быть пережиты воспитанником на собственном опыте, тогда он научится соответственно относиться к другим. Это не исключает, конечно, более суровых мер воспитания в случаях серьезных проступков. Если проступок чисто моральный, не нарушающий закона, включается общественное порицание, нравственное негодование со стороны учителей, товарищей. Возможны и наказания разного рода, но насилие как педагогическое средство чаще всего осуждается, ибо «зло рождает зло», и ребенок, ненавидящий воспитателей, вряд ли станет хорошим человеком.

Свою воспитательную функцию мораль всегда осуществляет через конкретных людей и конкретные обстоятельства. Кроме того, огромна роль самовоспитания, но об этом вы прочитаете подробнее в одном из последующих разделов нашей книги.

Третья функция морали, тесно связанная с предыдущими, — **коммуникативная**. Ее следует назвать отдельно, не сводя к понятию регуляции. Мораль создает нормативную канву для человеческого общения даже в самых поверхностных его формах (хотя можно ли что-нибудь в нашей жизни считать «поверхностным» и неглавным? Нередко мнимые «мелочи» оказывают решающее влияние на человеческие судьбы). Мораль не сводится к этикету, но часто она сливается с ним в неразторжимое единство, поистине создавая способы коммуникации в повседневной жизни. Собственно, этикет — это ритуальная форма существования определенной морали, хотя мораль — гораздо более

широкое и глубокое явление, это система мотивации поведения, внутренние основания для поступков.

Будучи средством коммуникации, ритуализированная мораль учит, как встречать людей и как провозжать, как приветствовать их и какое оказывать им почтение, она определяет, как себя вести в дни праздников и похорон, по отношению к старшим и к младшим, к тем, кто находится выше или ниже на социальной лестнице.

На этот тезис можно возразить, что в истории культуры мораль часто отделялась от форм этикета, и каждая сфера выступала самостоятельной и независимой. Например, рыцарь, соблюдающий все положенные в средневековье поклоны, шарканья ножкой и сладкие речи, вполне мог быть предателем по отношению к тому, перед кем ритуально кланялся. А галантный кавалер более поздних времен, выйдя за рамки салонной беседы, мог оказаться грубым мужланом, попирающим честь и достоинство женщины. Все это так, и в наше время милые улыбки и вежливые приветствия тоже не всегда означают, что вас искренне любят, ценят и готовы проявить к вам уважение и милосердие. И все-таки этикет — это средство очеловечить коммуникацию, сделать ее максимально гуманной, взаимно приятной, позволяющей выходить на уровень нахождения согласия. Без морально-этикетных форм никакой диалог — практический или словесный — не может полноценно состояться. Представьте, что вы начинаете с кем-то беседу, а на вас не смотрят, с вами не здороваются, просто принимаются хамски орать или хуже того — совершенно внеэтикетно дают волю рукам. Или молчат, не обращая на вас внимания. А почему? Да просто неохота с вами беседовать. Лень. Такая маленькая иллюстрация сразу дает понять, какую важную роль играют ритуализированные моральные формы для нормализации общения, для того чтобы оно вообще произошло.

Но, конечно, коммуникативная функция морали не исчерпывается этикетом. Ориентация на добро в общении выливается в соблюдение принципа благорасположенности по отношению ко всякому партнеру. Благорасположенности и ненанесения вреда. И здесь народная мудрость, концентрирующая в себе определенные моральные установки, говорит: «как аукнется, так и откликнется», «что посеешь, то и пожнешь». Как мы позже еще будем говорить об этом, в морали никогда нельзя рассчитывать на возмездность. Никто не гарантирует тебе счастья и благополучия за твои благодеяния. И тем не менее народ создал эти моральные формулы в глубокой убежденности, что **мы получаем в общении именно то, что вкладываем**. Быть может, получаем не сразу, не одновременно, но все равно получаем. Если ты будешь жесток, и к тебе отнесутся жестоко. Если будешь добр, люди и мир ответят тебе добром. На этом построены сюжеты многих народных сказок, где добрые труженицы, помогая людям, зверям и птицам, оказываются награждены милостью какого-нибудь доброго волшебника или Деда Мороза. Пусть опосредованная, но возмездность существует, и те, кто желает для себя блага, обязаны желать его и для других. Причем желать

не чисто умственно, в собственной фантазии, а вполне реально: творить добро в общении, избегать агрессии, ненависти, утверждать мир, дружбу, взаимопомощь.

В своих высших проявлениях коммуникационная функция морали выражается в том, что люди неукоснительно следуют тезису о том, что **к другому человеку никогда нельзя относиться как к вещи**, нужно уважать в любом человеке человека, даже если тебе никогда не воздадут за это практическим добром.

Очередная функция морали, которую мы кратко рассмотрим, — **познавательная**. По вопросу о том, познает ли мораль мир, могут вестись споры, если считать познанием только выяснение того, каким является мир вне и помимо человека. Разумеется, мораль не может постигать свойства объектов самих по себе, ибо она — не физика, не химия и не биология. **Зато мораль может постигать и постигает человеческий мир**. Моральное знание — это знание о должном, о том, что следует делать, а что находится под абсолютным запретом. Если человек этого не знает, то он будет вести себя как животное, руководствоваться лишь своими инстинктами и импульсивными желаниями.

Одна из исторически первых концепций морали была гносеологической, это концепция Сократа. Нравственное поведение рассматривалось там как результат знания того, что есть добро и что есть зло. Главное — знать, тогда и поступки будут устремленными к добру. А зло мы делаем по неведению, принимая его за добро. Как только люди выяснят, каково настоящее благо, они тотчас забудут все иные пути и устремятся только к нему. По сей день у целого ряда мыслителей существует убеждение, что человек всегда уверен — он выбрал доброе, а не злое.

Думается, такое убеждение довольно наивно. Люди, несомненно, должны знать, что такое добро и что такое зло, и различать их, по возможности, без ошибок, но они не всегда сознательно стремятся только к добру и часто прекрасно понимают, что творят зло. Просто оно их по каким-то причинам на данный момент вполне устраивает. Знание очень важно, но оно далеко не все решает в поведении, где действуют множество других мотивов.

Означает ли познание человеческих моральных представлений одновременно постижение некоего онтологического (бытийного) начала, которое стоит за моралью? На этот вопрос разные философские школы отвечают по-разному. С точки зрения светской безрелигиозной этики, нравственные представления конкретно-историчны. Они рождаются в жизни самого общества и сильно меняются от века к веку и от культуры к культуре. Они релятивны (изменчивы), и если имеют единство, то лишь такое, которое можно выделить в исследовательской мысли. Возможно, это самые простые и общие правила человеческого общежития, с необходимостью воспроизводящиеся в моральных кодексах разных народов: не убий, не вори, не прелюбодействуй (хотя уже последнее требование появляется только там, где присутствует моногамная и, как правило, патриархальная семья). Другого общего содер-

жания мы не найдем в пестроте конкретно-культурных представлений о должном и недолжном.

С точки зрения светской этики, в мире «самом по себе» есть звезды и планеты, астероиды и туманности, элементарные частицы и микроорганизмы, но нет «добра» и «зла», которые служили бы вечными образцами для человеческих мыслей и поступков. Всякий новый этап истории в ходе своего развертывания созидает новые взгляды на нравственное и безнравственное, и взгляды эти не схожи друг с другом. В одну эпоху моральное познание — это познание того, что следует беспрекословно подчиняться родителям, не сместь ослушаться мнения общины, держать в страхе женщину, которая не ровня мужчине, и сурово наказывать детей. В другую эпоху — в наши дни — все эти требования прочитываются как аморальные, жестокие и несправедливые, ибо родители могут быть не правы, община манипулирует личностью, женщина — такой же человек, как и мужчина, а детская психика не должна быть искалечена.

Совсем другой точки зрения придерживаются религиозные и эзотерические моральные учения (термин «эзотерический», который мы и дальше будем употреблять в тексте, означает «принадлежащий к древнему тайному знанию», оккультный). С религиозно-эзотерической точки зрения (да простит меня церковь за такое объединение), все высшие ценности существуют вне и помимо человека. Они — объективные идеальные сущности. Возможно, они пребывают в уме Бога или составляют некое «царство идей». Факт тот, что благо, справедливость, любовь гораздо реальнее, чем наши земные людские представления о них. Чисто человеческие изменчивые взгляды на мораль — только тень, только зыбкое отражение ценностей высшего мира. Причем в трансцендентной божественной сфере благо и истина суть единство, даже тождество. В этом смысле познать Истину означает познать Благо, и наоборот. Исторические разночтения народов в отношении представлений о добром и злом с религиозно-эзотерической позиции представляются как результат грехопадения человечества или его чрезвычайной удаленности от высшего начала мира. Но когда-нибудь настанет час, и человечество познает Благо и Истину в их подлинной чистоте, лишенной всего эмпирического, искаженного, наносного.

Моральное познание человеческого мира — достояние каждого человека, любой из нас получает его в процессе социализации. Кто-то оказывается, в конечном счете, более ориентирован на наличные нравы, кто-то глубоко и на всю жизнь усваивает в первую очередь установки «высокой морали»: такие люди становятся моральным примером для других. Однако кроме морального познания существует еще этическое познание, то самое, которому посвящен наш учебник. Дело в том, что человечество в лице своих лучших представителей с начала писаной истории активно размышляло над тем, что такое нравственность, и придумало много версий ее толкования. Эти версии необходимо знать всякому культурному человеку. Конечно, этика прямо не научает морали.

Нравственные установки усваиваются еще в детстве и трансформируются, как правило, под влиянием реальных обстоятельств. Но знание этики помогает моральной рефлексии, делает человека более сознательным в решении моральных вопросов, позволяет больше понимать и точнее корректировать собственное поведение, чувства и мысли.

Последняя функция морали, которую я хотела бы здесь назвать — **жизненно-ориентационная**. Разумеется, можно было бы найти и другие роли, которые мораль играет в жизни общества, но перечисление не должно быть бесконечным, поэтому мы ограничиваемся лишь самыми главными функциями. Итак, мораль обнаруживает себя не только как повседневный сиюминутный регулятор отношений между людьми, но и как сила, выполняющая важную стратегическую задачу в становлении и развитии личности.

Комплекс моральных представлений, «поселившийся» в душе и сердце человека, определяет, будет ли человек в целом стремиться идти по пути добра или по пути зла. Любая личностная история может быть рассмотрена с этой точки зрения, что даст множество вариантов. Кроме тех, кто в основном ориентирован «на добро» и «на зло», могут быть и бывают глубоко противоречивые, внутренне разорванные натуры, не способные самим себе «дать ладу», мечущиеся между стремлением к совершенству и демонизмом. Такими героями полны произведения Ф. М. Достоевского.

Возможны и попытки принципиального избегания как активного добра, так и активного зла, интуитивное стремление не то чтобы «стать по ту сторону», но оказаться на «нейтральной полосе». Некоторым удастся всю жизнь прожить, оставаясь в моральном отношении «ни тем ни сем», однако обстоятельства нередко не предоставляют человеку такой возможности морально затаиться и заставляют принимать решения, обнаруживая, кто же он есть в скрытой глубине своего «я». Главные моральные ориентации всегда так или иначе проявляют себя в практическом поведении.

Социальные цели морального воспитания

Важнейшая функция морали, как мы уже выяснили выше, — **воспитательная**.

Моральное воспитание в разное время и у разных людей основывается на различных принципах и приемах и формирует порой противоположные ценностные ориентиры. С древнейших времен старшие в социальной группе (племени, роде, семье) целенаправленно формировали у младших определенные черты, испытывали, экзаменовали их на соответствие заданному образцу поведения. Человеческое сообщество может жить и развиваться только тогда, когда оно «производит» индивидов, соответствующих его объективным потребностям. Правильно воспитанный индивид, обладающий необходимым набором

умственных, нравственных и физических качеств — это условие процветание социума, конкретной общественной группы. Именно поэтому общество никогда не оставляет воспитание на откуп жизненным случайностям, неуклонно создавая подвижный слой разнообразных воспитателей молодого поколения (старейшины и наставники, няни и бонны, воспитатели детских учреждений и учителя, вожатые, тренеры и т. д.). Оно создает социальные институты, специально занятые воспитанием, финансирует их, организует детские сады, интернаты и пансионы, поощряет целую армию педагогов, занимающихся воспитанием и обучением в частном порядке. Однако не нужно быть глубоким аналитиком, чтобы обнаружить: современный человек воспитывается для реализации иных целей и должен обладать иным набором качеств, нежели гражданин античного полиса, средневековый крестьянин или дворянин XVIII в. Конечно, ряд желательных нравственных свойств остается неизменным. Сегодня, как и вчера, по-прежнему в чести доброта и храбрость, честность и справедливость, и все же в целом образ идеального воспитанника иной.

Чтобы как можно четче представить себе отличие современных требований к человеку от требований предшествующих этапов истории, условно разделим историю на два периода. Первый период (до 40-х гг. XX в.) назовем временем до современности. Второй период (последние 60 лет) — современность¹, он характеризуется бурным научно-техническим развитием и общим ускорением исторического времени. Так как черты современности назревали в обществе постепенно, готовились предшествующим развитием мировой культуры, новые требования к человеку стали возникать довольно давно, возможно, еще в период восхождения европейского капитализма. Но тогда они не были системными, не носили массового характера, теперь же они приобрели целостность и обращены практически к каждому члену общества. Назовем прежние, работавшие до современности, критерии хорошей воспитанности традиционными. Традиционны они в двух смыслах. Во-первых, они выдвигают на первый план сохранение традиций, умение поддерживать в личном поведении связь времен. Во-вторых, ориентация на верность прошлому и предкам просуществовала тысячелетия и сама является древней традицией.

Каков же облик идеального традиционного человека?

1. Важнейшее свойство традиционного человека — приверженность и верность существующему порядку, освященному установлениями предшествующих поколений. Индивид отождествляет себя с родом, народом, историей своей страны, рассматривает себя как часть целого, как орган единого социокультурного организма. Наличные традиции

¹ В последней главе нашего учебника мы будем также использовать термин «постсовременность», следуя широко принятой сейчас терминологии философов-постмодернистов. Однако, по существу, речь идет об одном и том же периоде, о сегодняшнем дне, с той разницей, что «постсовременностью» именуют время не с 40-х, а с 60-х годов XX века.

и обряды воспринимаются им как сакральные (священные). Другие порядки, иные мировоззренческие установки, характерные для иных этнических и культурных групп, видятся если не как враждебные, то как чуждые. Человек сознательно воспитывался как страстный адепт традиции своего социума, что создавало жесткие оппозиции: наш — не наш, мусульманин — неверный, русский — нерусский. Кроме того, традиционный человек всегда крайне осторожно относится к любым новшествам, считает их подозрительными, разрушительными для заведенного порядка. Новации морально не одобряются, они могут быть приняты лишь под прикрытием традиции, как ее продолжение, модификации.

2. Традиционный человек, принадлежащий к конкретному сословию, жестко следует поведенческой матрице, предписанной его социальной группе. В традиционных обществах эталоны поведения разных сословий кардинально различны: то, что приличествует дворянину, непристойно для священника и недопустимо для крестьянина. Писанные и неписанные кодексы поведения жестко регулируют каждый шаг людей в их повседневной жизни, их нарушение чревато наказанием вплоть до изгнания из общины и лишения жизни.

Индивидов, чье поведение с раннего детства определяется традицией, с младых ногтей учат подчиняться старшим по возрасту и по рангу. Подчинение, покорность, кротость — важнейшие добродетели, похвальные нравственные качества. Община принуждает, но она же и защищает, поддерживает, поэтому послушание есть важное качество для выживания. Самостоятельные решения занимают в жизни людей небольшое место и часто трактуются как выполнение воли Бога (богов).

3. Традиционный человек ориентирован на сохранение полученных с детства способов действия и поведения в течение всей жизни. Характеристики социальной действительности меняются медленно, лишь на протяжении существования нескольких поколений, поэтому в рамках одной жизни эффективно работают идейные и нравственно-психологические матрицы, заложенные в раннем возрасте. Жесткость и неизменность принципов, верность взглядам, впитанным с молоком матери — добродетель традиционного общества.

4. Индивид, воспитанный в традиционном обществе, испытывает высокую ответственность перед общностью, которая его порождает и возвращает. Ответственность перед Богом (богами) и перед социальной группой сливаются воедино, так как именно высшие сакральные силы вменяют данный порядок и поддерживают его. Общность отвечает за человека как за свою часть, но и человек держит ответ перед нею и обязан жертвовать собственным благополучием и жизнью ради сохранения общности.

Консервативный, патриотичный до ксенофобии, покорный и высокоответственный перед другими человек — явление общества определенного типа. Он — реальное, объективное историческое явление.